

Изъ воспоминаній адвоката^{*)}

(дѣло Мультианскихъ вотяковъ)

Очеркъ Н. П. КАРАБЧЕВСКАГО

III.

Подъ вечеръ. Ялта.

Только что свитился въ фешенебельный уголокъ Крыма съ Бахчисарайской шоссе, на парномъ деревенскомъ шарабанѣ, съ пѣрнымъ Джамаемъ, молодымъ татаринкомъ за кучера.

Набережная. Исленуло прохладой...

Шурша по голышамъ, задорно набѣгаютъ волны, и тутъ же, словно сконфуженныя собственнымъ озорствомъ, съ глубокимъ реверансомъ убѣгаютъ назадъ.

У «Поплавка» больше оживленія: за столиками элегантная публика...

Послѣ безвыѣзднаго трехнедѣльнаго сидѣнія въ своей уединенной, цвѣтущей берлогѣ, на Алмѣ, затерянной среди караимскихъ и татарскихъ виноградныхъ садовъ и пустырей, въ костюмѣ безъ малѣйшаго признака крахмала даже на воротникѣ сорочки, чувствую себя не совсѣмъ ловко.

Только успѣлъ спрыгнуть на панель и отпустить Джамаю съ лошадьми на постоянный дворъ, встрѣча, да еще какая...

— Антонъ Павловичъ...

— Онъ самый. Вы-то, Вы-то мнѣ пужны, — усиленно трясетъ мою руку А. П. Чеховъ. Видно проклятая болѣзнь, уходившая его во всемъ расцвѣтѣ лѣтъ и таланта, объ эту пору давала ему передышку. Выглядѣлъ онъ совсѣмъ хорошо. Загорѣлый, живой, подвижный... Такимъ позднѣе я его уже не видалъ.

— Поймите, какая удача... Ломаю себѣ голову, гдѣ Васъ искать, а Вы, вонъ, тутъ какъ тутъ, — быстро заговорилъ онъ, не выпуская мою руку изъ своей, словно опасаясь, чтобы я не улизнулъ.

— Пишутъ: искать мнѣ Васъ въ Крыму, ибо и я самъ въ Крыму. А того не сообразилъ, что Крымъ то великъ. Ну да нашель... Добродушно, весело смѣется Антонъ Павловичъ.

— А кому я такъ понадобился?

— Думаете, какой нибудь красавицъ? По глазамъ вижу... Отложите попеченіе...

— А кому же?

— Владимиру Галактионовичу Короленко.

— Что Вы. Я съ нимъ лично незнакомъ.

— Познакомитесь. Да Вы, видно, по случаю каникулъ и газетъ не читаете?..

— Грѣшнень. Наслаждаюсь... Либо

весь день трельяжную загородку во вкусѣ Бахчисарайскаго дворца крашу. Сколько платя съ себѣ перепортилъ! Либо молодыхъ лошадей объѣзжаю, либо въ водѣ сижу; у насъ пляжъ бархатъ, не то, что въ Вашей Ялтѣ...

— Ну такъ вотъ слушайте. Вы кей-фуете, а тѣмъ временемъ бѣдняга Короленко голову свою прозакладываетъ, что они невиновны и длиннѣйшее посланіе по этому случаю Вамъ пишетъ. Въ газетахъ поднялъ настоящую бурю.

— Да кто невиновны?

— Мультианскіе вотяки. Ихъ обвинили въ «человѣческомъ жертвоприношеніи»... Подумайте только! Какого то нищаго убили и кровь изъ него, при своихъ моленіяхъ, источили... Семь человѣкъ въ каторгу угодили, да еще и восьмидесятилѣтняго дѣда къ поселенію пристегнули. Короленко увѣренъ, что это штука мѣстной полиціи и бездарнаго слѣдствія... Дѣло слушалось въ захолустьи. Защищаль какой то мѣстный частный повѣренный. Кассачія, кажется, подана. Короленко проситъ Васъ выступить въ сенатѣ и вообще принять на себя ихъ защиту...

— Охотно.

— Только долженъ Васъ предупредить, — хитро подмигнувъ мнѣ Чеховъ, — дѣло *принципіозное*, стало быть безгонорарное... Вы ужъ отвѣчайте Короленко, какъ сами знаете.

— Я отвѣчу, что согласенъ.

— Ну спасибо. Адресуете, не мѣшая, письмо въ Петербургъ, на адресъ «Русскаго Богатства», а я протелеграфирую, ему, что исполнилъ порученіе... «разыскалъ», молъ. Антонъ Павловичъ добродушно весело смѣялся.

Мы присѣли у столика на «Поплавкѣ», и пока не стало замѣтно свѣтать и А. П. не застегнулъ наглухо, о чемъ только не перекинулись.

Каждая моя встрѣча съ А. П. наполняла мнѣ душу обаятельнымъ спокойствіемъ.

Очаровательнѣе собесѣдника было трудно желать. Веегда оставалось впечатлѣніе чего-то кристально-чистаго, добраго, вдумчиваго... Ни позы, ни напряженности въ желаніи себя показать. Милая, чуткая, рѣдкая духовная красота...

Съ Короленко мнѣ не пришлось встрѣчаться, но онъ меня интересовалъ, и о немъ я завелъ рѣчь съ А. П., причемъ сказать: — А мнѣ жалъ, что онъ ушелъ въ публицистику и «общественность»... Онъ уже не даетъ то, чѣмъ былъ такъ

сильнѣе. Описанія природы и быта у него безподобны...

Чеховъ задумался, а потомъ заговорилъ, какъ бы нехотя.

— Да, онъ художникъ... Талантъ большой, но его совершенно сбили съ толку... Если бы Вы видѣли, въ какой атмосферѣ онъ живетъ и работаетъ; влюбился бы онъ, что ли, въ эдакую..., понимаете, чтобы получилась эстетическая встряска... Я побывалъ у него. «Умственность», но тягучая, нудная, Боже мой!.. А тутъ еще своя собственная жена кричитъ черезъ весь столъ: — Короленко, хочешь чаю? Понимаете, какая тутъ беллетристика. —

Послѣдняя фраза отразилась на подвижномъ лицѣ Чехова досадною усмѣшкой, которая сейчасъ же смѣнилась грустью. Онъ повелъ разсѣяно глазами по разсыпавшейся ажурно пѣнѣ отступавшей медленно волны и замолчалъ. Помолчавъ, онъ прибавилъ: — Поэтому родиться нужно, но имъ же надо умереть.

Въ великолѣпномъ залѣ общихъ сенатскихъ собраній слушалось дѣло по жалобѣ Мультианскихъ вотяковъ въ полномъ присутствіи Сенаторовъ Уголовнаго Департамента. Анатолій Федоровичъ Кони, въ то время оберъ-прокуроръ этого департамента Сената, какъ говорили, заинтересовался дѣломъ, и настоявъ, чтобы оно было разсмотрѣно въ Департаментскомъ Составѣ Сенаторовъ а не въ отдѣленіи, гдѣ дѣла рѣшались тремя сенаторами.

Тонкій криминалистъ и прекрасный ораторъ, онъ установилъ за правило, чтобы всѣ его товарищи, т. е. товарищи оберъ-прокурора и оберъ-секретаря присутствовали на засѣданіяхъ, когда онъ давалъ свои заключенія.

По этому, когда онъ изъ своего кабинета проходилъ въ залу засѣданія, шествіе принимало характеръ нѣкоторой толпы. Впереди бѣжали курьеры и открывали двери. За оберъ-прокуроромъ компактной свитой слѣдовали всѣ его товарищи оберъ-секретари и свободные члены канцеляріи. Нерѣдко и изъ другихъ департаментовъ Сената примыкали добровольцы.

В. Г. Короленко и я были уже на своихъ мѣстахъ, у скамьи, предназначенной для защитниковъ.

Рѣшено было, что въ виду специальной юридической организаціи, требующей кассационнымъ производствомъ, я одинъ буду давать объясненія, а Короленко будетъ молчаливымъ ассистентомъ, такъ какъ всѣ уже знали, насколько горячо онъ ратовалъ въ печати по поводу обвинительнаго исхода дѣла. Послѣднее обязательство, какъ это ни странно, многими судебными дѣлами учитывалось едва ли не враждебно. До засѣданія въ петербургской

прокураторъ раздавались голоса : «вотъ вздумалъ учить».

«Въ Вольтеры лѣзеть», и т. д.

Мѣстный товарищъ прокурора Раевскій, проводившій обвиненіе и руководившій слѣдствіемъ, считался весьма энергичнымъ и не лишеннымъ дарованья. Боюсь ошибиться, но мнѣ какъ будто помнится, что, ко времени слушанья дѣла въ Сенатѣ, онъ прибылъ въ Петербургъ и присутствовалъ «въ публикѣ» на засѣданіи Сената.

Ходили толки, что за «дѣло вотяковъ» онъ рассчитывалъ получить повышеніе по службѣ. Всѣ эти толки и слухи къмъ то тщательно собирались и передавались Короленко. Бѣдный В. Г. неистово волновался, на него было жалко глядѣть. Много молодыхъ людей изъ числа его поклонниковъ заняли всѣ первыя скамьи для публики...

Въ «мѣстахъ за судьями» набралось также не мало звѣздоносцевъ, былъ и командированный отъ Министерства Юстиціи представитель. Проходя мимо В. Г. Короленко, А. Ф. Кони, знавшій его лично, протянулъ ему руку, но въ бесѣду не вступилъ. Это произвело нѣкоторую сенсацию. Мнѣ показалось, что и В. Г. это нѣсколько подбодрило.

— Судъ идетъ!..

Въ Сенатѣ этотъ возгласъ судебного пристава, облеченнаго въ мундиръ съ краснымъ воротникомъ, всегда знаменуетъ нѣчто торжественное, когда рѣчь идетъ о выходѣ цѣлаго Департамента, т. е. двадцати и болѣе сенаторовъ, въ расшитыхъ мундирахъ и орденскихъ лентахъ. Располагаются «покоемъ», по старшинству, почти во всю длину, въ креслахъ, повернутыхъ высокими спин-

ками къ гигантскимъ портретамъ царей, начиная съ Петра Великаго.

Предсѣдательствовалъ на этотъ разъ первоприсутствующій Департамента Григорій Козьмичъ Рѣпинскій, юристъ строгій и выдержанный, не поддающійся никакимъ постороннимъ вліяніямъ, «ни сверху, ни со стороны», какъ однажды выразился онъ самъ. Но формалистъ онъ былъ не малый и въ кассационномъ производствѣ сентиментальностей и лишнихъ словъ не допускалъ.

Докладъ дѣла очереднымъ сенаторомъ длился не долго и былъ мало интересенъ, такъ какъ «существа» почти не касался. Кассационная жалоба кое-что намѣчала. Невызовъ дополнительныхъ свидѣтелей, безъ достаточной мотивировки, былъ основнымъ пунктомъ, на который возможно было рассчитывать. Онъ же давалъ опытному кассатору возможность развить «существо», поскольку оно могло подлежать измѣненію и критикѣ на основаніи новыхъ, (отвергнутыхъ неправильно), свидѣтельскихъ показаній.

Со вступленіемъ А. Ф. Кони на постъ оберъ-прокурора Уголовнаго Кассационнаго Правительствующаго Сената, по его инициативѣ, послѣдовала въ законодательномъ порядкѣ «очередность» рѣчей при кассационномъ производствѣ.

По «Судебнымъ Уставамъ» первымъ давалъ свое заключеніе оберъ-прокуроръ. Затѣмъ говорила защита, поддерживающая жалобу, по общему принципу, что послѣднее слово всегда принадлежитъ защитѣ. Ораторъ въ данномъ случаѣ побѣдилъ въ А. Ф. Кони крими-

налиста. По этому мнѣ пришлось говорить первому, безъ права возражать на оберъ-прокурорское заключеніе.

Матеріалъ для рѣчи былъ такого сорта, что каждую секунду я могъ ждать возгласа первоприсутствующаго:

«Не касайтесь существа».

Но на этотъ разъ Г. К. Рѣпинскій порою только морщился, но ни разу не остановилъ меня, и я доплелся благополучно до заключительнаго вывода, что кассация неминуема.

Рѣчь А. Ф. Кони, какъ всегда, была виѣшне блестяща и, вмѣстѣ, остроумна и вдумчива. Онъ властно потребовалъ отмѣны приговора, въ виду кореннаго нарушенія судомъ равноправія сторонъ. На половину дѣло могло считаться выиграннымъ. (Заключенія А. Ф. Кони почти всегда принимались Сенатомъ. Говорю почти, потому что Сенатъ не обязанъ считаться съ заключеніями прокурорской власти. Когда оберъ-прокуроръ въ томъ же Департаментѣ былъ Н. А. Неклюдовъ, его тонкая аргументація нерѣдко отвергалась Сенатомъ).

В. Г. Короленко и всѣ его приближенные облегченно вздохнули. Да и я повеселѣлъ.

Общее настроеніе было «отмѣнять»! И дѣйствительно «отмѣнили», но послѣ довольно продолжительнаго и, по слухамъ, весьма бурнаго совѣщанія.

Въ средѣ сенаторовъ, изъ бывшихъ прокуроровъ, были и такіе, что считали чуть ли не святотатствомъ каждую отмѣну обвинительнаго приговора. При послѣднихъ министрахъ юстиціи именно такія назначенія стали преобладать.

Съ Короленко мы братски облобызались. Онъ долго держалъ меня въ своихъ объятіяхъ, чтобы не видно было, что онъ заплакалъ.

«Братство» наше такъ началось.

Но главное и самое трудное оставалось впереди. Объ этомъ до другого раза.

Н. Карацковъ